

Д. Руйей-Уиллоби

Университет штата Кентукки, США

**«Не посылай меня на чужую сторону»:
траурные аспекты северно-русской свадьбы
глазами американского исследователя
(по записям XIX века)**

Самым важным ритуалом для женщин в конце XIX века и начале XX века в русской деревне была свадьба¹. Она отмечала переход невесты не только в ряды взрослых, но от жизни к смерти с последующем возрождением в семье мужа. Невестин плач о своей «смерти» и о предстоящей ей тяжелой жизни после «смерти» являлся главным моментом свадьбы. Это отрицательное отношение к свадьбе не удивительно, учитывая исторические сведения, описывающие суровую судьбу женщин в семье мужей. Женам приходилось слушаться мужей беспрекословно, уважать строгую иерархию семьи и деревни и старательно работать без жалоб. Даже женщины, которые были главами семьи, не имели права голосовать или говорить на сходах [Clements, 1991, p.5]. Так как только замужние женщины учитывались при ежегодном распределении земли деревенской общиной, замужество являлось выгодным и для семьи жениха и для семьи невесты [Bohas, 1991, p.97]. Однако большинство девушек не хотело выходить замуж, так как основной целью женитьбы было приобретение работницы. Хоч [Hoch, 1986, p.102] отмечает, что «the groom's family gave consideration solely to a woman's health, skills and ability to work...» [семья жениха учитывала только здоровье женщины, ее способности и умение работать...]. Желая получить рабочую силу, семья жениха платила выкуп за невесту, чтобы компенсировать семье невесты потерю работницы. Семьи не обращали внимания на желания невесты или на ее чувства. На самом деле, как пишет Хоч [Там же, p.102], считалось, что любовь даже вредит удачному браку.

Так как невесту ценили в основном за ее работу, ей приходилось приносить с собой довольно большое приданое. Г.С. Маслова [1984, с.12] пишет, что невеста должна была приносить постельное белье, платья и орудия труда – косу, серп, грабли и прялку. В некоторых случаях она также приносила мебель, посуду и одежду для всей семьи на десять лет вперед. Самое главное, она сама должна была прясть, ткать или вышивать белье и одежду, чтобы доказать, что она хорошая работница. Так как большое внимание уделялось ее умению работать, невеста часто оказывалась старше мужа, хотя к концу XIX века разница в возрасте уменьшилась [Czap, 1976, p.109].

---

¹ Следует отметить, что в русской научной традиции тема свадьбы принадлежит к числу всегда привлекавших внимание исследователей. Среди основных исследований, связанных с затронутой темой, следует указать работы [Байбурин, 1988, с. 139-145; 1993; Ефименкова, 1988; Зеленин, 1991; Кузнецова, Логинов, 2001; Кулагина, Иванов, 2001; Толстой, 1995].

Выходившей замуж женщине предстояло понижение в статусе, переход на самую низкую позицию в семье. Социальный статус женщины изменялся только тогда, когда ее муж отстраивал свой дом, и она становилась старшей женщиной в семье. Молодые жены были под полным контролем своих свекровей. В результате этого их отношения часто бывали конфликтными, как отмечает Фарнсворт [Farnsworth, 1992] в своей статье о судебных делах, связанных с невестами. Дисгармоничность отношений отражается в традиционных в день венчания обрядах. Например, свекровь приказывала невесте принести воды или подмести пол. Даже в день венчания невесте приходилось доказывать свою ценность как работницы и показывать свое повиновение желаниям свекрови. После того как семья жениха так много потратила на выкуп и свадьбу, было необходимо, чтобы она зарабатывала на жизнь и помогала им возвращать потерянное.

Когда невеста оплакивала предстоящую тяжелую жизнь, она оплакивала также свою символическую смерть. В плачах упоминаются смерть и путь в иной мир, поэтому они удивительно похожи на погребальные плачи. Однако символическая смерть в ходе свадебного обряда не во всех смыслах отрицательная. Дело в том, что этот обряд придавал силу замужним женщинам, укрепляя их позицию, если не в социальной области, то в духовной. Замужние женщины получали доступ к особому миру немногих избранных, не считая священнослужителей. После свадьбы они играли более важную роль в обрядах, относящихся к переходу в новую жизнь: к деторождению, похоронам и свадьбам. В противоположность этому мужчины, и холостые и женатые, не участвовали в этих обрядах так широко, как замужние женщины.

Замужние женщины имели также особенную связь с духами дома, особенно с домовым. С.В. Максимов отмечает, что хозяйка обеспечивала, чтобы домовый переходил в новый дом, когда семья переезжала: «хозяйки-бабы, поставив икону в красный угол, отрезают один сукрой от каравай хлеба и кладут его под печку. Это – тому незримому хозяину, который вообще зовется домовым-доможилом» [Максимов, 1994, с.29].

Следовательно, женщины получали одну предполагаемую компенсацию за замужество – символическую духовную силу, дающую возможность играть особые роли в семейных ритуалах и взаимодействовать с миром духов¹.

Подготовка к свадьбе начиналась, когда старший в семье мужчина и его жена решали, что их сыну нужна невеста. Первичная причина для брака, как было сказано выше, состояла в том, чтобы обеспечить матери помощь дома и увеличить размер участка земли. Родители жениха обычно сами выбирали, на ком их сын женится. Будущая свекровь имела огромное влияние на выбор, так как она будет с невесткой работать [Зорин, 1981, с.68; Wogobec, 1991, p.20]. Когда семья жениха выбрала невесту, они посылали сваху к семье невесты. Традиционно роль свахи выполняла либо вдова со стороны жениха, либо крестная мать жениха [Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.116; Зорин, 1981, с.68]. В конце XIX века в дом к невесте часто посылались профессиональные свахи, обычно тоже вдова [Зорин, 1981, с.68].

Действия свадьбы были разделены по половому признаку. Например, только отцы вели переговоры о выкупе и приданом. Отец невесты вел свою дочь к жениху в день венчания [Зорин, 1981, с.78-79; Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.121]. Женщины управляли большинством нефинансовых действий свадьбы. Как описывает Зорин [1981, с.15], замужние родственницы жениха проводили смотри-

---

¹ Однако это не всегда расценивалось положительно, потому что женщины считались подозрительными из-за причастности к ритуалам, связанным с родами и мертвыми. В результате женщины, участвовавшие в этих обрядах, должны были очиститься до того, как продолжат свою работу [Листова, 1992; Mahler, 1960].

ны невестиного рукоделия. Во время смотрин невеста готовила и подавала им обед, а они смотрели на поведение невесты и ее характер. Чтобы договориться о заключении брака, эти женщины должны были одобрить выбор невесты и оценить качество ее работы [Там же, с.75]. Только тогда могли начаться переговоры о приданном и выкупе.

Как только отцы заканчивали переговоры и соглашались на союз, невеста, выбегая из дома, показывала свое сопротивление браку. Описывается такая сцена [Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.34]: «Невеста убегала, девки ее ловили, она рвала зубами платок, кусалась или пряталась». Потом ее тащили в дом, где «отец... брал платок за кончик надо лбом и натягивал на лицо и говорил: “Просватали!”» [Там же]. Это ритуальное действие было первым шагом к «смерти» невесты. Женщины покрывали ее, как мертвую: «во всех случаях... следом за этим девушки или женщины, или даже сама невеста, перевязывали потом платок – ‘фатку’ по-годному. По-годному значило: платок берут за два соседних конца и, закинув за спину, как матросский воротник, завязывают концы под горлом... Потом свободным четырехугольником фатки, свисающим за спиною, закидывают невесте голову и лицо. Так, закрытая, невеста и сидит до самого свадебного дня, не меняя наряда и не снимая фатку даже на ночь» [Там же]. Этот ритуал савана являлся характерной чертой северно-русской свадьбы того времени и напоминает нам одну из традиций похорон. После этого невеста всю неделю была спрятана, выходила из дома только вечером плакать и на само венчание. В этом смысле, к ней относились как к покойному, который был завернут в саван и над которым плакали до того, как выносили из дома для похорон.

Так как невесту считали «покойной», она в ходе свадебной недели принимала мало участия в ритуальных действиях, если не считать исполнения плачей о своей «смерти». Она часто пела, что у нее не стало воли: «я не вольная вольница» [Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.306], как будто ее душа уже из тела ушла, и что она сама не ходила: «не сама-то ведь собой иду» [Там же, с.221]. Она также не делала никакой работы, когда ее подружки готовили изделия к ее приданому. Она себя вела как ходячая покойная или дух: «девушки-подруги шьют, сама невеста не шьет, около них ходит» [Там же, с.46]. Она ничего не ела, и ей разрешалось видеть только подружку или замужних родных [Там же, с.44-50]. Хотя жених посещал невесту во время этой недели «сидины», ее подруги всегда присутствовали при этом и требовали у жениха подарков за то, чтобы он мог увидеть или поговорить с невестой [Зорин, 1981, с.88].

Свадебная неделя оканчивалась девичником – вечером, обозначающим прощание невесты с девичеством и потерю девичьей красоты. Символом девичьей красоты был головной убор невесты, который она предлагала разным родным и подругам в течение девичника. На девичнике не только невеста, но и ее родные и подруги оплакивали замужество [Зорин, 1981, с.97; Фирсов и Киселева, 1993, с.251]. Когда невеста отдавала красоту, обычно сестре или подружке, ее молодая жизнь официально заканчивалась. После венчания она будет носить головной убор замужней женщины, потеря красоты обозначала потерю молодости и переход в замужнюю жизнь. Утром в день венчания невестины подружки и родные или знахарка мыли ее в бане [Маслова, 1984, с.28; Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, 1985, с.105]. Те же женщины надевали на невесту свадебный наряд [Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.131]. Таким образом, к ней относились как к покойному, которого мыли и одедали после смерти. Последним действием до отъезда было прощание с семьей и домом, так как они никогда в будущем не увидятся [Фирсов и Киселева, 1993, с.251; Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985,

с.221]¹. Невесту покрывали фатой и выносили из дома к саням через окно или через черный вход. Ее мать подметала следы, когда они уезжали, чтобы невеста не нашла обратного пути к дому. Как отмечает Мойл [Moyle, 1986, p.229], все эти обряды выполняли и на похоронах, что подтверждает символическую связь между свадьбой и погребением. В течение свадьбы сваха переплетала волосы невесты в разделенные две косы и надевала головной убор замужней женщины [Фирсов и Киселева, 1993, с.254; Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.235]. Наконец, после брачной ночи родные жениха снова ее мыли [Зорин, 1981, с.119]. Эти умывальные ритуалы уничтожали все следы незамужней жизни и обозначали ее смерть в родной семье и рождение в новой жизни и семье мужа².

Необходимо отметить что роль жениха на свадьбе была незначительной: он не был спрятан от общества до или после свадьбы, у него не было вечера, аналогичного девичнику у невесты, его ритуально не мыли и не одевали. Практически ничего не изменялось по отношению к жениху в период свадьбы. Даже в день венчания главные ритуальные действия осуществлялись шафером и сватом. Шафер вел свадебную процессию и официально покупал невесту, когда приходили в ее дом [Зорин, 1981, с.106]. При этом сватья «хранит жениха, отвечает за прибор в переговорах с родней невесты, следит за ритуалом» [Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.119]. Не жених, а его отец переносил невесту через порог в новый дом. Отец жениха платил также за саму свадьбу, включая подарки, подаренные женихом родителям невесты и самой невесте [Зорин, 1981, с.85]. Обзор этих ритуалов показывает, что свадьба служила заметным переходом в другую общественную позицию не для жениха, а для невесты.

Фактически, такой переход был похож на похороны, а плачи наполнены упоминаниями о смерти. Образ смерти включает три аспекта: смерть невесты в результате свадьбы; сравнение деревни жениха с иным миром; ассоциация головного убора девушки с живой душой и головного убора жены с мертвой душой. Когда покрывали невесту фаткой, она пела отцу о смертном приговоре:

Схожо красное солнышко,
Ты мой корминец-от батюшко, <...>
Из солдатов есь выходци,
Из острогов есь выпуски,
Казацхам-роботникам
Долги сроки те кладёны,
За то денёжки плацёны,
А уж вы мне, молодёшеньке,
Без конца срок положили.
[Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.35]

Для всех в списке существует спасение от судьбы: солдатów увольняют, пленников освобождают и рабочие не всю жизнь трудятся, но перед молодой девушкой стоит период без конца, то есть ее смерть.

Она также продолжала плакать, когда она пела женщинам, ее прикрывавшим

---

¹ Хотя в действительности невеста увидит дом и родных во второй день свадьбы и, наверное, будет возвращаться в будущем в определенные праздники.

² Русские, несомненно, осознавали связь между свадьбой и похоронами. Малер [Mahler, 1935, с. 391-408] пишет, что похороны для незамужних женщин в основном были подобны свадьбам. Покойная была одета в венчальное платье и кольцо. Вместо погребальных плачей пели свадебные плачи. Кроме того, как пишет Мойл [Moyle, 1986, с. 230], похороны для замужних женщин были более простыми, чем похороны для мужчин, так как женщины уже прошли через «похороны», когда они выходили замуж.

фатой:

Супостатка ты, хидниця,
Да ты моя супротивница,
Да призакрыла, голубушка,
Мне много свету-ту белово.
[Там же, с.36]

В погребальных плачах существует такое упоминание о покойном, отделенном от белого света. Например, «как душа с телом, расставалася, с белым светом распрощалася!» [Чистов, Чистова, 1960, с.359].

Невеста часто плакала, что семья будет продолжать жить после ее смерти, но без нее. В этом плаче, спетом на обручении, она им говорила, что они будут сожалеать о потере дочери, покойницы, и ее полоса в поле будет не скошена:

Ужо молціте, корминечи,
Доживите, корминечи,
Вы до лета до тѣпलोво,
До сенокосу-то раннево,
До страды беспокойные.
В ту пору, да в то времецько
Вы меня-то вспомянете.
Пойдите вы, корминечи,
На работку тяжѣлую,
Ваши полоски потянутце,
Моя постатка останетце.
[Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.38]

Исполнительницы погребальных плачей также пели о потере работницы и навыков покойной:

Ты послушай, кормилица,
Что я тебе напоры скажу
Про свое-то житье-бытье...
Придет пора, придет работная,
Мы пойдем, моя кормилица,
Мы работу работати,
Мы тяжелую делати,
Уж мы хватимся тебя, мамочка,
Уж мы хватимся по-старому!..
Ты сама знаешь-ведаешь,
У нас работы-то многошенько,
У нас работниц малешенько.
[Чистов, Чистова, 1960, с.332]

Можно предположить, что упоминания о смерти в предыдущих песнях просто совпадают с отъездом молодой девушки из дома. Однако существуют плачи, в которых невеста пела, что она умрет. В нижеприводимом плаче, спетом в течение сидины, она пела, что ее жизнь состоит всего из одного дня и одной ночи:

Здесь не век здесь вековати,
Да не зима вецеровати,

Мне не жить лета теплого...
Только мне то живеньця –
Один денчик продневати,
Да одна ноцька ноцевати.
[Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.60]

В другом плаче она молилась о быстрой смерти, когда они ее мыли и одевали на свадьбу. Она поет, что как только они с ней закончат, от нее труп останется. Это описание показывает, что невеста и слушатели знали о сходстве между свадьбой и похоронами:

Помолюсь да покланеюсе,
Попрошу-ту у господу
Скорби тяжёлые,
Да смёртки-то скорые <...>
Здесь на здешной-то стóроне
Доставай меня, смёртонька.
Здесь умоют белёхонько,
Здесь наредят бодрёхонько,
Со попом да со дяконом,
Со роднёй-то родимою.
Мне остатки останутце.
[Там же, с.60]

Упоминания о своей смерти она продолжает, когда поет о замужней жизни, специфически выбирая термины, напоминающие слушателям о смерти. Например, в погребальных плачах покойная возвращается в наш мир в виде кукушки: «прилети-тка си, моя родененькая матушка, любимую серою кукушечкой...» [Чистов, Чистова, 1960, с.319]. Невеста тоже поет, что она после свадьбы станет кукушкой, чтобы подчеркнуть, что она, как покойная, возвращается из той сторонутки.

Доживёшь жо ведь, мамушка,
До весны-то до тёплые, <...>
Ты послушай-ко, мамушка,
Да во той-то сторонутке
Скокуёт-то кокушецька,
Горюёт-то горющеця <...>
Это я, молодёхонька,
Журена да и бранена...
[Там же, с.58]

Русские верили, что покойные переходили из этого мира в иной. Невеста символически переходила в другой мир, когда она уходила из своего дома к мужу. Первый шаг пути к иному миру – прощание с домом и семьей. Дело в том, что замужние женщины не только посещали дом в день после венчания, но и на первом году после свадьбы часто собирали лен на участке своей семьи [Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.298, 300]. Так они прощались, но не всегда были отделены друг от друга. Однако невеста играла роль покойной и прощалась, так как она умирала и уходила в чужой мир:

Ты прости-прощай
Да ты прости-прощай,

Мой прекрасной рай,
Оставайсе, мой зелёной сад,
Здесь на здешной-то стороне.
[Там же, с.221]

Певчие таким же образом приказывали покойной прощаться со своим домом до того, как душа уйдет в иной мир, как в следующем плаче:

Ты прощайся, братец-солнышко,
Со своим ли витым гнездышком,
Со хорошим строеньцем,
Со всем кресьянским заведеньцем...
[Чистов, Чистова, 1960, с.262]

Плачи включают два контрастных изображения нашего мира и иного. Ее дом считается оставленным раем, а дом жениха находится в другом мире. Она должна поехать туда и жить в этом ужасном месте, следуя традиции. Деревня и участок жениха называют чужой стороной, и описания его дома всегда страшные. Это выражение – «чужая сторона» – употребляется и в погребальных плачах, чтобы описать мир покойных: «тут душа с телом рассталася, ...они кинулись да бросились на чужую дальню сторону» [Чистов, Чистова, 1960, с.311]. В свадебных плачах эта странная земля описывается ужасным местом, похожим на ад. Деревня жениха стоит далеко от луны и на западе от солнца; туда нет дороги; и нет в ней улиц; там пшеница сеется, а растет сорняк:

Дак шчѣ стоит ета дѣревня
Дак во долѹ-то от мисеця,
Да в западѹ-ту от солнышка.
Да шчѣ ко етой же дѣревне
Дак нет пути, нет дороженьки,
Да нет дорожки широкие.
Да стоит ета дѣревня
Не по планѹ распланована,
Не по посаду поставлѣна,
Дак шчѣ стоит ета дѣревня –
У их поля не с припольками,
Да лузья не с пригорѣдками,
Да не растут хлѣбы белые.
Несевают пшоницею,
А вырастает торицею.
[Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.73]

Как покойная, невеста входит в этот ужасный мир только после того, как душа выходит из тела. В течение девичника и утром венчального дня невеста поет серию плачей о девичьем головном уборе, или красоте, и о своей воле или свободе. В этих плачах невеста описывает красоту, как будто она была бы живой душой. Когда красота уходит, ее жизнь оканчивается. Вместо красоты она надевала головной убор замужней женщины, символически принимала черную душу смерти. Красота описывается как крылатая: «да приростила-то крыльице, да перьице лебедино» [Балашов, 1985, с.211]. Это изображение напоминает понятие души как крылатого существа, подобного птице или бабочке, как в этом погребальном плаче: «отлетела наша чистая ли горличка, отлетела щебетунья наша птичка, что

ко господу ли богу ее душенька...» [Чистов, Чистова, 1960, с.293]. Как живая душа, красота невесты белая и чистая: «она бела, как белилышко, она циста, как стекольшко» [Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.215]. Она противопоставляет свою красоту головному убору замужней женщины, который похож на саму смерть, черный и грязный: «а волокита проклятая на печи-то в углу сидит, чернитце да мараетце» [Там же, с.230]. Невеста обычно просила, чтобы ее красота улета-ла и находила себе достойное место существования. Она ее посылала в разные ме-ста, большинство из них были непригодными, и будут мешать покою души:

Полеті, моя красота,
Через чистоё полюшко,
Да ты за синёе морюшко.
Дак во цистом-то полюшке
Стоит три-те лисиноцьки.
Первая-то лисиноцька –
Стоит берёзка-то белая,
Другая-то лисиноцька –
Горькая-то осиноцька,
Третья-то лисиноцька –
Стоит крушина зелёная,
Не садись, моя красота,
На белую-то берёзоньку,
На чужой-ближней стороне
Белой свет не изменитце.
Не садись, моя красота,
На горькую-то осиноцьку,
На чужой-ближней стороне
Мне, молодёшеньке,
Будет житьё горё-горькоё.
Не садись, моя красота,
На третью-то лисиноцьку,
На крушину зелёную.
На чужой ближней стороне
Сокрушит меня, девицу,
Дак полети, моя красота,
К Соловецким-то за морё...
[Там же, с.229]

Погребальные плачи также включают подобные описания перехода горя вдовы в разные места до того, как она находит окончательное место на земле. Как красота невесты, душа горюющей женщины символически переходит в иной мир и находит покой только в смерти:

Рассадить ли мне обиду по темным лесам?
Уже тут моей обидушке не местечко,
Как посохнут вси кудрявы деревиночки!
Мне рассеять ли обиду по чистым полям?
Уже ту моей обидушке не местечко –
Задернят да вси распахисты полосушки!
Мне спустить ли то обиду во быстры реку?
Загрузить ли мне обиду в озерышке?
Уже тут моей обидушке не местечко –

Заболотеет вода да в быстрой риченьке,
Завлоиться травой мало озерышко!
Мне куды с горя, горюще, подеватися,
Мне куды, бедной, с обидом укрыватися?
Во сыру землю горюще наб вкопатися!
[Чистов, Чистова, 1960, с.102-103]

Это поразительное изображение души, ищущей дома соединяет символически обряды похорон и свадьбы. Воля и красота невесты, как живая душа покойного, уходят в результате свадебного обряда. Она проходила потусторонний, духовный путь и возрождалась. Таким же образом вдова получает новый статус. Она два раза прошла через этот мир, первый раз, когда она вышла замуж, и второй раз, когда умер муж. Этот опыт присваивает ей особенный статус и связывает ее ближе с духовным миром.

Если связи между похоронами и свадьбой не были достаточно ясны до ухода невесты красоте, последующие плачи явно показывают такое сходство, так как невеста пела о свадьбе, как будто бы она произойдет на кладбище. В одном плаче она просит сваху жениха не расплетать одну косу девичества и не переплетать ее в двойные косы замужества: «не расплетай-ко ты, сватьюшка, да моей-то русой косы на повосте да буёве» [Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, с.235]. Она говорит, что расплетание происходит на кладбище, однако оно происходило или в церкви или дома. Когда ее отец приходил повести ее к жениху, она также пела о кладбище. Она горевала, что это было не время наряжаться, и гулять ночью по кладбищу было недостойно для девушки. Эта песня усиливает связь между невестой и ходячими покойными:

Схожо красное солнышко,
Да мой корьmineц ты, батюшко,
Да мне куды жо сряжатисе,
Да баско мне наряжатисе,
Да не в пору да не во времецько.
Да середь ноци-то темные,
Да на повосте-то буеве
Да нет гулянья-то дивьево.
[Там же, с.241]

Скоро после этих плачей ее сажали в сани и увозили в церковь на венчание [Там же, с.289]. Плачи прекращались, как только невеста уезжала из дома, так как с этого момента она считалась мертвой для ее семьи. После венчания молодые ехали к жениху, где она становилась членом его семьи, и заканчивали переход в свою новую жизнь [Там же, с.293].

С переходом на новую ступень жизни женщина получала новые обязанности в семейных обрядах. Замужние женщины управляли нецерковной частью этих ритуалов в русской деревне XIX века. Они не только пели все ритуальные песни и плачи на похоронах и свадьбах, но и выполняли другие ритуальные действия. Например, они мыли и одевали невесту и покойного, а также они еще помогали рожавшим женщинам. Некоторые замужние женщины играли в обрядах особые роли, такие как повитухи, свахи, знахарки и плачеи. Эти особенные женщины были не только замужними, но и часто овдовевшими. Во многих случаях, как выше сказано, они были профессионалами. Гликман [Glickman, 1991, p.149, 155] пишет, что вдовство способствовало профессионализации в этом статусе, так как эти женщины не имели ни земли, ни мужа, который бы их поддерживал. И, хотя

не все женщины становились профессионалами, переход через смерть в новую возрожденную жизнь был обязателен для всех женщин, участвовавших в обрядах¹.

Еще остается вопрос о том, почему эти женщины были лучшими кандидатами для важных ролей в семейных обрядах. Женатые мужчины явно имели более весомую общественную силу, чем все женщины, и они также переходили на новую ступень жизни, когда женились. Представляется, однако, что свадьба играла более важную символическую роль в жизни женщин, чем мужчин, именно женщины в течение свадьбы проходили через смерть и возрождались. Это событие давало им необходимый опыт, чтобы впоследствии помогать другим душам в переходе. Женщины, прошедшие символически смерть и возрождение, имели доступ к иному миру, как никакие другие нецерковные люди. Благодаря этому опыту они могли помочь переходу души из одного статуса в другой. В этом смысле замужние русские женщины играли роль в обрядах, похожую на роль шаманов.

Как пишет Элиаде [Eliade, 1964, p.4], работа шамана заключалась в том, чтобы переводить души в иной мир и обратно в живой мир. Шаманы становятся кандидатами для этого наиважнейшего ритуального действия после перенесенной серьезной болезни, и если им приснится, что они умирают и возрождаются опять [Там же, p.33]. После такого сна шаманы умеют входить в транс и говорить с духами покойных, переходить в иной мир. Замужние русские женщины, конечно, не были шаманами в классическом смысле. Они не входили в состояние транса, и они не должны были тяжело болеть. Но они переносили смерть и были введены в новую жизнь символически. Пройдя такой обряд, они получали особое признание своих сил.

Если все замужние женщины имели доступ к духовному миру, вопрос о том, почему некоторые женщины участвовали в обрядах как профессионалы, все еще остается. Как было указано выше, Гликман считает, что вдовство было важно по экономическим причинам. Мне же еще хотелось бы отметить, что вдовство имело и символическое значение. Эти женщины «прошли смерть» не только когда вышли замуж, но снова, когда их мужья умерли. Этот опыт давал им особое понимание перехода души и доступ к духовному миру. Благодаря такому опыту эти женщины могли играть более важные ритуальные роли, чем другие замужние женщины. Например, могли играть роли профессиональной повитухи, знахарки, свахи и плачей.

Литература

- Байбурин А.К. Коды обряда и их взаимодействие // Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды. М., 1988. Ч. 1.
- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова К.И. Русская свадьба. М., 1985.
- Ефименкова Б.Б. Северно-русская причеть. М., 1988.
- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Зорин Н.В. Русская свадьба в северном Поволжье. Казань, 1981.
- Кузнецова В.Б., Логинов К.К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2001.
- Кулагина, Иванов, 2001 – Русская свадьба / Сост. А.В. Кулагина, А.Н. Иванов. В 2-х т. М., 2000, 2001.

---

¹ Несомненно, незамужние женщины также участвовали в свадьбе как подружки. Они должны были выйти замуж и учились достойному ритуальному поведению. Большинство свадебных действий, таких как умывание и одевание невесты, оценка изделий невесты на смотринах, сватовство, переплетание невестинной косы и надзор, чтобы невеста работала после венчания, выполнялось замужними женщинами.

- Листова Т.А. Russian Rituals, Customs, and Beliefs Associated with the Midwife [1850-1930] // *Russian Traditional Culture* / М.М. Balzer. Armonk, 1992. P. 122-145.
- Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.
- Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX веков. М., 1984.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура. М., 1995.
- Фирсов Б.М., Киселева И.Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева СПб., 1993.
- Чистов К.В., Чистова В.Е. Причитания. Л., 1960.
- Bohas R. Widows and the Russian Serf Community // *Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation* / B.E. Clements. Berkeley, 1991. P. 95-112.
- Clements Б.Э. Introduction: Accommodation, Resistance, Transformation // *Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation* / B.E. Clements. Berkeley, 1991. P. 1-13.
- Czap P. Marriage and the Peasant Joint Family in the Era // *The Family in Imperial Russia* / D.L. Ransel. Urbana, 1976. P. 103-123.
- Eliade M. *Shamanism. Archaic Techniques of Ecstasy*. New York, 1964.
- Farnsworth Б. The Litigious Daughter-In-Law: Family Relations in Rural Russia in the Second Half of the Nineteenth Century // *Russian Peasant Women* / B. Farnsworth, L. Viola. Oxford, 1992. P. 89-106.
- Glickman R. The Peasant Woman as Healer // *Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation* / B.E. Clements. Berkeley, 1991. P. 148-162.
- Hoch S. *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. Chicago, 1986.
- Mahler E. *Die russische Totenklage: Ihre rituelle und dichterische Deutung*. Leipzig: Veröffentlichungen des slawischen Instituts. 1935.
- Mahler E. *Die russischen dorflichen Hochzeitbrauche*. Berlin: Veröffentlichungen der Abteilung für slawische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts. V. 20. 1960.
- Moyle N.K. Mermaids [Rusalki] and Russian Beliefs about Women // *New Studies in Russian Language and Literature* / A.L. Krone, C.V. Chvany. Columbus, 1986. P. 221-238.
- Worobec C. Accommodation and Resistance // *Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation* / B.E. Clements. Berkeley, 1991. P. 17-28.